

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44
Т51

Olga Tokarczuk
OSTATNIE HISTORIE

Copyright © Olga Tokarczuk, 2004

Перевод с польского *Ирины Адельгейм*
Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Токарчук, Ольга.
Т51 Последние истории / Ольга Токарчук. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-109286-3

Ольга Токарчук обладает удивительным даром стирать границы — между странами и языками, между реальностью и вымыслом. Герои «Последних историй» стирают границы между бытием и небытием. Они постигают смерть, пытаясь подготовиться к ней, примириться с ее существованием в финале каждой жизни. И, постигая смерть, они лучше понимают жизнь, потому что смерть — часть жизни.

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

© И. Адельгейм, перевод на русский язык, 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-04-109286-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть I
ЧИСТЫЙ КРАЙ

1

На маленьких проселочных дорогах разметка зимой не видна. Лишь сдвинутые в стороны горы снега небрежными жирными штрихами очерчивают путь. Лучи фар вязнут в бесформенных обочинах, но открывают полукруг подвижной сцены, постоянно убегаящей вперед в надежде отыскать наконец впотьмах своего актера. Дальний свет бесполезен, он извлекает из мрака одну только молочную зимнюю дымку, что нависает над миром.

«Застывшее дыхание трупа», — думает женщина за рулем; «дыхание трупа», оксюморон — слова противоречат друг другу, но вместе каким-то чудом приобретают смысл. Вот уже скоро большой перекресток, там она свернет направо, к югу, и наверняка отыщет на шоссе какой-нибудь мотель или пансионат. Пансионатов здесь полно, из темноты то и дело выныривают надписи: Freie Zimmer¹, «Комнаты», «Агротуризм», намалеванные на досках, что прибиты к заборам или придорожным деревьям. Журчит радио, тянется какая-то вялая дискуссия, но женщина не слушает.

¹ Свободные комнаты (нем.). (Здесь и далее — прим. перев.)

Справа вдруг возникает из тумана темное, выделяющееся на снегу пятно. Женщина осторожно тормозит, поворачивает голову и видит на обочине собаку. Она лежит в мягкой снежной ямке, на боку, вытянув лапы, голова словно приподнята на подушке. Передняя лапа подогнута, пушистый хвост раскинулся веером. Вероятно, дворняжка, метис овчарки, но помельче, черный с подпалом, породы «судетское отродье», как здесь говорят. Пес кажется спящим — будто не устоял перед неожиданно возникшим во время прогулки непреодолимым желанием вздремнуть — здесь, сейчас, немедленно. Пришлось остановиться на бегу и наскоро устроить логово — в придорожном снегу, в метре от колес невнимательных автомобилей.

Фары на мгновение высвечивают пса, обнаруживают тайну внезапного сна и снова погружают в темноту.

Женщина прибавляет скорость, но напрасно, потому что дорога теперь идет под уклон; машина плывет по ней вниз, вот-вот оттолкнется от огромного трамплина и пустится в туманный ночной полет. Блаженное падение: сердце подпрыгивает, становится легким, невесомым. Женщина в упоении шурит глаза.

Справа из темноты появляется указатель «Бардо — Божков» — разводит умоляюще руками, будто настырный любитель ночного автостопа, — истерически требует от водителя принять решение. Быстрее, налево или направо, пан или пропал. Ну, давай же!

«Ничего не выйдет, дружок», — думает женщина. Дорога идет прямо, направление оптимальное и, если верить сказкам, самое надежное, путь наименьшего сопротивления, гарантированно ведущий к цели.

Сейчас начнется приличное шоссе, черное и твердое, прошитое по центру белой разметкой и посыпанное солью.

После обеда, когда, выехав из санатория, она спускалась по крутому серпантину в долину, ей пришлось остановиться перед самым поворотом — резким, скользким и опасным. Чтобы избавиться от наледи, асфальт не скупясь посолили. Дорогу перегородило стадо коров — не обращая ни малейшего внимания на гудки, они слизывали соль. Вид у них был спокойный и счастливый; мягкие замшевые веки опущены, взгляд упрятан за занавесью великолепных ресниц. Коровы лизали соль неспешно и серьезно — безучастно. В зимних металлических сумерках, посреди шоссе, это были уже не животные. Они казались существами, что шли к своему безразличию путем многолетних медитаций. Какой-то человек, видимо хозяин, отчаянно пытался согнать коров с дороги и метался между ними, охаживая палкой костлявые зады, но они не боялись криков, а может, попросту не слышали. Образовалась пробка, сзади нетерпеливо сигналили, кто-то из водителей вышел и, увидав, что происходит, закурил. «Коровы лижут асфальт», — передавал он назад. Люди отнеслись к этой информации спокойно — ясно, мол, что тут такого. Переглядывались чуть насмешливо — коровы ли-

жут соль... Потом принимались протирать окна, хлопать багажниками, звонить по сотовым. Спустя некоторое время животные очнулись и, словно даже устыдившись своей внезапной слабости и устроенного замешательства, не дожидаясь пастуха, затрусили куда-то вниз.

Ехать приятно, шины словно тоже лижут соленый асфальт. На спуске машина разогналась и теперь мигнет самую низкую точку. Женщина замечает торчащие из сугробов светоотражающие столбики и лишь в следующую минуту понимает, что это означает поворот. Но откуда он взялся? Знака не было, а может, его поглотил снег. Она судорожно выворачивает руль влево, но автомобиль не слушается, мчится вперед и на мгновение — кажется — действительно взлетает. Женщина ощущает бессильную мощь машины и удивляется — откуда она взяла, что управляет автомобилем; скорее их пути, их планы просто подчинялись геометрии случая, и лишь совпадение интересов заставляло двигаться в одном направлении и останавливаться на одних и тех же бензоколонках. Однако теперь дороги расходятся — задрал нос, взбунтовавшаяся машина, маленькая серебристая «хонда», взмывает с высокой насыпи. По радио как раз передают новости. Женщина не видит, что отрывается от земли, скорее чувствует. Фары устремлены в небо, а потому ничего не освещают. Продолжается это довольно долго, она даже начинает терять терпение — ну сколько можно, куда тут лететь? Еще она сознает, что ударилась головой о руль, внутри черепа раздается неприятный звук, словно с хрустом удаляют зуб. Но это длится всего мгновение.

* * *

Женщине без труда удастся отстегнуть ремень и выскользнуть прямо в снег, но подняться она не в состоянии — падает на колени. Вытирает губы тыльной стороной ладони; рот наполняется густой и теплой жидкостью — должно быть, прикусила язык при ударе, так она думает. Стоящий на задних колесах автомобиль словно устремился к деревьям и теперь замер в безрассудном посягательстве техники на живое существо. Глаза его безжалостно освещают еловые ветви. Капот открыт — беззвучный крик ярости, а колеса беспомощно вращаются в воздухе все медленнее. По радио передают прогноз погоды.

Женщина протягивает руку назад и, несмотря на головокружение, вынимает ключ из замка зажигания. Сверкающие глаза гаснут. Делается вдруг темно, тихо и зябко. Ей кажется, что где-то в этой тьме простирается бесконечная голая равнина, по которой несет холодный ветер, не встречающий ни единой преграды — ни куста, ни деревца, ничего. Женщина чувствует, как его порывы грубо бьют ее по лицу. Пошатываясь, встает и идет наверх, к дороге.

Туман рассеивается, темнота теперь чистая, морозная, усыпана далекими огоньками звезд. Стоя на краю едва различимого шоссе, женщина поднимает голову — отыскивает созвездия, как учил отец — сперва Большую Медведицу, пять раз отмерить расстояние вверх: вот Полярная звезда и одновременно начало ручки Малой Медведицы. «А видишь в изгибе ручки, рядом с большой, маленькую звездочку — словно папа и дочка, ну что, видишь?» — «Да, вижу». — «Значит, ты могла бы

стать воином, — говорит отец, — именно так арабы проверяли их зрение».

Она находит Орион и Кассиопею — геометрическую фигуру из сверкающих точек, множество линий, больших и маленьких, слагающихся в череды простых ритмов, и вдруг рождающиеся из них треугольники, многоугольники, неустойчивые трапеции и ромбы... Разве этого недостаточно? Неужели следует пояснять эти безупречные фигуры туманными, невразумительными сказками?

Шагая по обочине к вялым желтым огонькам, женщина отыскивает свое любимое созвездие — Волосы Вероники, маленький звездный венчик, — какие уж там волосы — разве что шиньон, паричок. Он кажется более удаленным от Земли, чем другие, игрушечный воздушный змей, по неосторожности забравшийся слишком высоко.

За поворотом еловый лес, окаймлявший дорогу, заканчивается, и женщина видит огни какого-то предместья; редкие поначалу пятна затем сливаются, образуя коричневатое свечение, прорезанное трубами, высокими, изящными ажурными строениями.

Добравшись до первых построек — тянувшихся вдоль обочин длинных и низких складских помещений с неразборчивыми вывесками, бесконечными пандусами и широкими воротами, — женщина осознает, что вокруг совершенно тихо, словно глубокой ночью, и ни одна машина ей не встретилась.

Между складами она замечает улочку, что сворачивает вбок, к лесу. Под присмотром высоких

фонарей — чудных, фиолетовых. Снег убран. Дальше дом, в окнах горит свет. Женщина не раздумывая направляется туда, продолжая размышлять о Волосах Вероники, о том, что она, в сущности, не знает, кто такая эта Вероника и как ее волосы попали на небо. Потом, оказавшись в сизом мареве фиолетовых светильников, слышит доносящийся от дома собачий лай. И идет в ту сторону.

Дом не похож на деревенский — скорее это заброшенный, затерявшийся на окраине маленький коттедж, двухэтажный, узкий, опоясанный верандами и пристройками. Быть может, архитектурный план предполагал целый квартал таких особняков, для людей побогаче, но что-то помешало осуществить эту затею — и остался один дом, отодвинутый к самой горе, к лесу, сиротливый, за которым наблюдают — издали, украдкой — невнятные, столь отличные от него топорные — карликовые и убогие — гаражи, бараки, мастерские и бог знает что еще. Между ними железнодорожные пути — прежде чем попасть на просторный двор, женщина пересекает их дважды, — но ветка, вероятно, заброшена; снег упразднил все цели и направления. Присутствие параллельных линий выдают лишь стрелки да редкие семафоры, которые торчат здесь подобно одноруким статуям, выставленным для гостей в знак приветствия.

За окнами виден слабый свет, как раз такой, какой она не любит, всегда навевающий необъяснимую печаль. Лампочка максимум сорок ватт, под самым потолком. Свет для самоубийц.

Откуда-то появляется пес, большой, белый, на спине несколько черных пятен — должно быть, это он только что лаял, но теперь молчит и только для порядка старательно ее обнюхивает, после чего, вздыхая, ведет к крыльцу. Женщина оказывается в темных сенях. Пока она нащупывает выключатель, пес царапает внутреннюю дверь.

— Уже? Ты же только что вышел, — укоризненно произносит женский голос.

Тонкая полоска света падает на пол, касается ног гостыи.

— Ох, — испуганно шепчет голос. — Кто здесь?

Женщина пытается встать так, чтобы попасть в щель света.

— Извините, пожалуйста, я заблудилась, заплутала. Попала в аварию, ехала в сторону Клодзко и вдруг слетела в кювет, ударилась. Решила, что лучше кого-нибудь поискать...

— Вы заходите, а то холодно.

Большая кухня, посредине стол, у стены высокий белый буфет. Из-за стола неохотно поднимается пожилой мужчина в надетой поверх пижамы полосатой безрукавке. Перед ним стоит маленькая болезненного вида женщина в выцветшем лоснящемся халате. Гостыя еще раз путано объясняется, повторяя: машину оставила, упала в кювет, ехала в сторону Клодзко, такая чудесная ночь, и наконец про Волосы Вероники. Старики смотрят на нее странным взглядом, смысла которого она не понимает: печаль ли это, покой, усталость?

Маленькая женщина стоит перед ней, словно контролер в ожидании входного билета; лицо

с мелкими чертами краснеет от порыва ледяного ветра, ворвавшегося в открытую дверь, или, наоборот, от жара, которым пышет раскаленная докрасна плита. Достает из кармана бумажный носовой платок.

— Садитесь, — говорит она. — У вас на губах кровь.

Осторожно, скупыми уверенными движениями вытирает гостье рот.

— Вы целы? Хотите чаю? — спрашивает старушка.

— Да, конечно, с удовольствием. Чаю, чего-нибудь...

Мужчина помогает ей снять куртку, аккуратно складывает шарф.

— Вы ушиблись? Где-нибудь болит?

Эти простые вопросы кажутся женщине сложными и нелепыми. Она набирает в легкие воздуха, но вместо слов из груди вырывается плач.

— Я ударилась, машина влетела в сугроб. Я выкарабкалась и пришла сюда. Наверное, все в порядке, вроде бы я цела, да? Все движется, вот, смотрите, — она улыбается и машет руками и ногами, словно Петрушка.

Хозяйка ставит перед ней стакан в узорном металлическом подстаканнике. Супруги усаживаются напротив.

— Погода такая. Легко заблудиться, — говорит мужчина и глядит в окно, в котором отражается сорокаваттная лампочка под круглым белым абажуром, лунный призрак.

— Зиме конца не видно.